НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Немой свидетель

«Автор»
2026

Ефимова О.

Немой свидетель / О. Ефимова — «Автор», 2026

В городском морге тихо. Немой дворник Матвей мыл полы и читал чужие заключения — пока не заметил на шее убитой женщины след от тонкой проволоки. Никто не поверил тихому дворнику. Никто, кроме молодого следователя Полины Крыловой, которая единственная задержалась допоздна.Так начинается их странный союз: она говорит — он пишет. Она рискует карьерой — он рискует вспомнить. Вместе они распутывают дело, которое ведёт в самые высокие кабинеты: от фармацевтического магната до чиновников, убивающих стариков ради «оптимизации». И с каждым шагом Матвей всё ближе к разгадке собственного прошлого — пожара, который отнял у него жену, голос и память.«Немой свидетель» — детективная мелодрама о том, как молчание может быть громче слов, а доверие — сильнее страха. О том, что иногда, чтобы спасти себя, нужно спасти кого-то другого.

© Ефимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перевод 5
Глава 2. Морг №1 8
Глава 3. Скамейка в парке 10
Глава 4. «Тихий, не лезь» 13
Глава 5. Блокнот 15
Глава 6. Читая по губам 20
Глава 7. Свои люди 25
Глава 8. Выскочка 28
Глава 9. Окурок 31
Глава 10. Показания 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ольга Ефимова
Немой свидетель

Глава 1. Перевод

Город встретил Полину Крылову не снегом и не солнцем, а мелким ноябрьским дождём, который казался не погодой, а чьей-то канцелярской печатью: «прибыла». Она вышла из поезда с одним чемоданом, в пальто, купленном ещё в областном центре на распродаже, и с ощущением, что все её двадцать восемь лет остались в тамбуре — вместе с провинциальным вокзалом, маминими пирожками и прежней должностью.

Полина была следователем. Не «девочкой из следственного», как её называли за спиной в родном городе, а следователем Следственного комитета. С дипломом, с двумя раскрытыми делами, с принципиальностью, которая пока ещё не успела обтесаться о кабинеты, согласования и чужие чайные чашки. Её перевели в областной центр — повышение, как сказали в отделе кадров. На самом деле это было избавление: от маленького города, где все друг друга знали, от матери, которая каждый вечер спрашивала, когда уже замуж, и от начальника, который любил повторять: «Крылова, не лезь, где не просят».

Здесь, в большом городе, тоже любили это повторять. Просто пока не знали, что она уже приехала.

Отдел располагался в старом здании с высокими потолками и запахом мокрой бумаги. В коридоре горела половина ламп, вторая половина, видимо, ждала лучших времён. Полина поднялась на третий этаж, нашла нужный кабинет и три минуты простояла перед дверью, прежде чем постучать. Ей хотелось выглядеть так, будто она каждый день переезжает в чужие города и начинает жизнь с чистого листа. Получалось плохо: чемодан тянул руку вниз, а дождь оставил на плече тёмное пятно.

— Входите, — отозвались изнутри.

Начальник отдела, суховатый мужчина лет пятидесяти с усталыми глазами и галстуком, который он, судя по всему, носил исключительно как служебную повинность, поднял голову. На столе перед ним лежали три папки, чашка с остывшим чаем и телефон, который вибрировал так регулярно, что казался частью мебели.

— Крылова? Из области?

— Так точно.

— Ну, «так точно» у нас в армии, а здесь по-человечески. — Он вздохнул. — Садитесь. Только не на этот стул, у него ножка сломана. И не на этот, там бумаги.

Полина села на третий. Он оказался низким, и ей пришлось смотреть на начальника снизу вверх. Она выпрямила спину.

— Полина Андреевна, — сказал он, листая её дело так, будто уже знал всё, что там написано, но хотел проверить, не приписали ли лишнего. — Два года в области. Два раскрытых дела. Одно — бытовуха, второе — склад. И характеристика… интересная. «Инициативная, принципиальная, не всегда учитывает субординацию».

— Я учитываю, — сказала Полина. — Просто не всегда соглашаюсь.

Начальник посмотрел на неё поверх папки.

— В этом-то и загвоздка, Крылова, — произнёс собеседник, чуть наклонившись вперёд. — Мы не в тихой области, где всё решается на словах. У нас город — большой, сложный, тут всё держится на связях, бумагах, договорённостях. Ваша принципиальность — это достоинство, не спорю. Но если вы станете упираться в каждом кабинете, отстаивать правду в каждой мелочи, вас просто сметут через месяц. Ясно?

— Понятно.

— Что понятно?

— Что месяц — это мало.

Он не засмеялся. Но уголок рта у него дёрнулся.

— Рабочее место в двадцать шестом. Там сейчас никого, прежний следователь ушёл. — Он сделал паузу. — На пенсию. Не думайте лишнего. Компьютер старый, но живой. Папки с текущими делами получите у секретаря. И ещё: у нас не любят, когда новенькие сразу начинают учить жизни.

— Я не собиралась.

— Все так говорят.

Кабинет двадцать шесть оказался маленьким, с окном во двор и столом, на котором кто-то оставил пожелтевшую от времени схему эвакуации при пожаре. Полина повесила пальто на гвоздь, заменивший вешалку, поставила чемодан под стол и села. Компьютер включился с таким звуком, будто внутри него проснулся старый вентилятор. На экране появилась заставка — синий фон и логотип ведомства. Полина посмотрела на него и вдруг почувствовала, как сильно устала.

В коридоре шли люди. Мимо двери пронесли папку, потом ещё одну, потом кто-то громко сказал: «А эту куда?» — и никто не ответил. Полина достала из сумки блокнот — обычный, в клетку, купленный в вокзальном киоске, — и написала на первой странице: «Город. День первый». Потом посмотрела на запись и зачеркнула. Глупо. Не дневник же.

В дверь постучали. На пороге стояла женщина лет сорока, с короткой стрижкой и папкой под мышкой. Она оглядела Полину с головы до ног быстро и цепко, как смотрят на новую мебель: вроде нужная, но куда ставить?

— Крылова? — спросила она. — Я Светлана, из соседнего кабинета. Там, где раньше был ваш стол, теперь мой. Ну, то есть не ваш, а вообще. Не важно. — Она поправила папку. — Вам сказали про совещание?

— Нет.

— Значит, не сказали. В четырнадцать ноль-ноль, у начальника. Все следователи. — Светлана сделала шаг в кабинет и понизила голос: — Вы из области, да? Там, говорят, вы склад раскрыли.

— Было дело.

— У нас тут тоже склады есть. Только они не горят. Они оформляются. — Она усмехнулась и вышла, не закрыв за собой дверь.

Полина посмотрела на часы. До совещания оставалось двадцать минут. Она успела выпить воды из кулера в коридоре, познакомиться с секретарём, которая выдала ей три папки с текущими материалами, и понять, что в этом городе у всех есть мнение о том, как ей работать. Мнения были разные. Общее было одно: пока она здесь никто.

Совещание шло сорок минут. Говорили о сроках, о статистике, о том, что в этом месяце «провал по раскрываемости», и о трупе, который нашли утром в парке. Молодая женщина, двадцать девять лет. На первый взгляд — передозировка. Наркотики в крови, шприц рядом, сумка на месте, ничего не украдено. Дежурный следователь уже выехал, материалы оформляются. Вопросов нет.

Полина слушала и рисовала в блокноте квадратики. Она всегда рисовала квадратики, когда пыталась не сказать лишнего. В области её за это называли «неудобной». Здесь, судя по взглядам, которые на неё бросали коллеги, называть будут иначе.

— Крылова, — окликнул начальник, когда все начали вставать. — Задержитесь.

Она подождала, пока кабинет опустеет.

— Вы сегодня без дела, — сказал он. — Поэтому поедете в морг.

— В морг?

— Труп из парка. Дежурный следователь ушёл на больничный, у него давление. Материалы передадут вам. Формально это передозировка, но вы всё равно посмотрите. Только без героизма, Крылова. Посмотрите, напишете, что положено, и всё.

— Ясно.

— И ещё. — Он закрыл папку. — Там работает патологоанатом, Григорий Семёнович. Он мужик нормальный, но у него в подсобке живёт дворник. Немой. Вы его не трогайте. Он тихий, никого не касается.

Полина нахмурилась.

— Дворник живёт в морге?

— Так сложилось. — Начальник не стал объяснять. — Просто не обращайте внимания. У нас тут у каждого своя история. Особенно у тех, кто работает с мёртвыми.

Полина вышла из кабинета. В коридоре пахло кофе и мокрой бумагой. За окном всё ещё шёл дождь. Она посмотрела на часы, потом на папку, которую держала в руках. На обложке было написано: «Материалы по факту обнаружения трупа. Парк «Юбилейный». 12 ноября». Внутри — несколько листов, фотографии с места и предварительное заключение. Всё аккуратно, всё логично. Передозировка.

Полина надела пальто и вышла на улицу. Дождь усилился. Она подняла воротник и подумала, что в области сейчас, наверное, тоже дождь, и мать звонит на домашний, которого больше нет. Надо будет позвонить вечером. Сказать, что всё хорошо. Что работа интересная. И город красивый. И не говорить про морг.

До морга было двадцать минут на автобусе. Полина стояла у окна, держась за поручень, и смотрела, как за стеклом проплывают улицы, вывески и люди — всё такое чужое.

В кармане лежал блокнот. На первой странице — зачёркнутая запись. На второй — пусто.

Она не знала, что через несколько часов этот блокнот окажется не единственным в её жизни.

А пока автобус остановился, двери открылись, и Полина Крылова вышла на остановку «Морг №1».

Глава 2. Морг №1

Морг стоял на отшибе, за старым корпусом больницы, и выглядел так, будто его построили в спешке и с тех пор ни разу не ремонтировали. Двухэтажное здание из серого кирпича, узкие окна, железная дверь с облупившейся краской. Над входом — табличка без излишеств: «Патологоанатомическое отделение». Дождь стучал по козырьку, стекал по стенам, и казалось, что здание впитывает воду, как губка.

Полина толкнула дверь. Внутри пахло формалином, хлоркой и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, что она сразу определила как запах смерти. В области ей приходилось бывать в морге, но там он был маленький, провинциальный, с одним холодильником и вечно недовольным санитаром. Здесь же коридор уходил вглубь, лампы дневного света гудели, а где-то вдалеке капала вода.

Навстречу вышла женщина в белом халате, лет пятидесяти, с усталым лицом и резиновыми перчатками, зажатыми в руке.

— Вы кто? — спросила она без предисловий.

— Крылова. Следователь. Мне передали материалы по трупу из парка.

— А, дежурный заболел. — Женщина не то вздохнула, не то хмыкнула. — Григорий Семёнович у себя. Второй этаж, направо. Только он сейчас занят. И учтите: не люблю, когда в обуви по коридору. У нас тут не улица.

Полина послушно вытерла ноги о половик и поднялась по лестнице. На втором этаже было тише. Дверь с табличкой «Патологоанатом» оказалась приоткрыта. Внутри мужчина в очках, с седыми усами и лицом человека, который давно смирился с тем, что его никто не слушает, сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежала папка с материалами, а рядом — чашка чая, которая, судя по цвету, была заварена ещё утром.

— Григорий Семёнович? — Полина постучала по косяку. — Крылова. Меня прислали по трупу из парка.

Он поднял голову, посмотрел на неё поверх очков, потом снял их и протёр.

— Прислали, значит. — Он откинулся на стуле. — А дежурный где?

— На больничном.

— Ну конечно. — Патологоанатом вздохнул так, будто это было личное оскорбление. — Значит, вы за него. Молодая. Из области?

— Из области.

— Понятно. — Он встал и кивнул на дверь. — Пойдёмте, покажу. Только предупреждаю: версия — передозировка. Всё сходится. Наркотики, шприц, следов борьбы нет. Я написал заключение ещё вчера. Если у вас всё, можете подписать и разойтись.

— Я бы хотела посмотреть.

— Смотреть можно. — Он надел очки обратно. — Только ничего нового не увидите. Я тридцать лет здесь работаю. Передозировки видел чаще, чем вы — сводки.

Они спустились на первый этаж. В секционной было холодно, свет резал глаза, на столах лежали тела, накрытые простынями. Григорий Семёнович подошёл к одному из них, откинул ткань. Молодая женщина. Лицо спокойное, даже красивое, если бы не синеватые губы и застывшая гримаса. Волосы тёмные, рассыпались по металлу. На шее — ничего. Ни следов, ни пятен. Руки вытянуты вдоль тела, на левом предплечье — маленькая точка от укола.

— Вот, — сказал патологоанатом. — Классика. Шприц нашли рядом. Сумка на месте, деньги, телефон. Никто ничего не брал. Следов насилия нет. Токсикология подтвердит.

Полина наклонилась ближе. Она не знала, что именно искать. В области ей приходилось иметь дело с бытовухой: ножи, бутылки, ссоры на кухне. Наркотики были редкостью, и каждый

раз её учили смотреть на руки, на локтевые сгибы, на следы от жгута. Здесь всё было чисто. Слишком чисто.

— А кто её нашёл?

— Сторож парка. Утром обходил территорию. Говорит, сидела на скамейке, как будто уснула. — Григорий Семёнович пожал плечами. — Такое бывает. Сердце остановилось, и всё.

— А время смерти?

— Примерно между полуночью и двумя. Точнее скажет токсикология. Но мне и так ясно.

Полина выпрямилась. Что-то царапало её взгляд, но она не могла понять что. Может быть, слишком аккуратно всё было разложено. Слишком правильно. Как будто кто-то поставил декорации.

— Хорошо, — сказала она. — Я подпишу. Но если токсикология покажет что-то не то, я вернусь.

— Вернётесь, — согласился патологоанатом. — Все возвращаются. Только обычно не с чем.

Он накрыл тело простынёй и пошёл к выходу. Полина задержалась на секунду, оглядывая секционную. В углу стоял старый шкаф с инструментами, рядом — раковина, на стене — схема вскрытия, выцветшая от времени. И ещё — дверь в подсобку, приоткрытая. За ней горел свет.

Она не стала заглядывать. Вернулась в коридор, поднялась на второй этаж, подписала бумаги у Григория Семёновича, который уже не скрывал, что хочет поскорее её выпроводить, и вышла на улицу. Дождь всё ещё шёл. Полина достала телефон, посмотрела на время. До конца рабочего дня — три часа. Можно было вернуться в отдел, разобрать папки, познакомиться с материалами. Или поехать в парк, посмотреть на скамейку. Начальник сказал: без героизма. Но она всё равно поехала в парк.

А в это время в подсобке морга, за столом, заваленным старыми книгами и схемами, сидел человек. Он был немой. Его звали Матвей. Он работал дворником — мыл полы, выносил мусор, чистил снег зимой. Жил здесь же, в маленькой комнатке, где помещались только кровать, стол и полка с книгами. Никто не знал, зачем он здесь. Никто не спрашивал. Григорий Семёнович иногда оставлял ему заключения — почитать. Матвей читал их медленно, вдумчиво, делал пометки в блокноте. Он не мог говорить, но мог думать. И иногда думал больше, чем все остальные.

Когда санитары привезли тело из парка, Матвей мыл пол в коридоре. Он видел, как его провезли мимо, как Григорий Семёнович открыл дверь секционной, как потом туда зашла молодая женщина в пальто. Он не знал, кто она. Но заметил, как она смотрит — внимательно, цепко, не так, как обычно смотрят следователи. Она что-то искала.

Позже, когда все ушли, Матвей зашёл в секционную — убрать. Тело всё ещё лежало на столе. Он подошёл, посмотрел. Он не должен был этого делать. Но привычка. Старая его привычка.

Он наклонился, вглядываясь в шею женщины. Что-то было не так. Тонкая полоска, едва заметная, почти под линией волос. Он знал, как выглядит след от проволоки. Он видел такое раньше. Давно.

Матвей распрямился, будто стряхнув с плеч невидимую тяжесть. Из кармана он достал потрёпанный блокнот и карандаш, привычным движением щёлкнул грифелем — и начал рисовать. Линия вышла тонкой, почти невесомой, но безжалостно точной. Он изобразил петлю, а потом ещё раз подчеркнул след — так, чтобы ни у кого не осталось сомнений: это не случайность, это улика.

Потом закрыл блокнот и вышел. Он не знал, что с этим делать. Но знал, что молчать нельзя.

Глава 3. Скамейка в парке

Парк «Юбилейный» оказался не парком в привычном смысле, а большим квадратом между двумя проспектами, с асфальтовыми дорожками, детской площадкой и десятком старых лип, которые осенью становились похожи на обгоревшие спички. Дождь здесь был ещё мельче, но ветер сильнее. Полина подняла воротник и пошла по главной аллее, ориентируясь на жёлтую ленту, которую кто-то привязал к скамейке и забыл снять.

Скамейка стояла в глубине парка, у глухой стены трансформаторной будки. Место тихое, безлюдное, с одной стороны — кусты, с другой — забор. От главной аллеи далеко. Если женщина сидела здесь ночью, её могли не увидеть до утра. Полина присела на корточки, посмотрела на асфальт. Мокро, грязно, следы затоптаны. Эксперты уже уехали, но она знала: всё, что можно было собрать, собрано. Шприц, сумка, телефон. Всё на месте, всё логично.

Слишком логично.

Она достала блокнот и записала: «Почему здесь? Место безлюдное. Если передозировка — почему не дома? Почему не в машине? Почему в парке, ночью, в ноябре?» Потом посмотрела на запись и зачеркнула последний вопрос. В области её учили: не ищи сложного, где всё просто. Люди умирают, где попало. Наркоманы — тем более.

Но что-то не давало покоя. Она обошла скамейку, посмотрела на стену будки. На бетоне — старые надписи, потёки, мох. У самой земли — окурок, второй, третий. Свежие? Полина наклонилась. Окурки были разные: одни дешёвые, другие подороже. Как будто здесь стояли несколько человек. Или один, но курил разные сигареты. Она сфотографировала на телефон. Эксперты, наверное, тоже видели, но в протокол это вряд ли попало: окурки в парке — не улика.

Сторож парка, пожилой мужчина в ватнике и резиновых сапогах, сидел в будке у входа и пил чай из термоса. Полина показала удостоверение.

— А, вы по той женщине, — сказал он, не вставая. — Я уже говорил. Утром шёл, смотрю — сидит. Думал, пьяная. Подошёл, а она… ну, того. Я сразу в полицию.

— Вы её раньше видели? В парке?

— Не-а. У нас тут по ночам всякие ходят, но её не помню. Может, и была, я ж не всех запоминаю.

— А кто-нибудь ещё здесь ночью был? Может, машина стояла?

Сторож почесал подбородок.

— Машины не было. А вот свет был. Часов в двенадцать, может, в час. Я как раз обход делал, смотрю — у будки той фонарь горит. Ну, думаю, опять кто-то забыл. У нас там фонарь с датчиком, сам включается. Но в ту ночь он долго горел. Минут двадцать.

— Фонарь? — Полина нахмурилась. — То есть кто-то был рядом с будкой?

— Ну, может, и был. Или просто датчик сработал. Он у нас старый, на всё реагирует. На кошку, на ветку. — Сторож пожал плечами. — Я не пошёл смотреть. Мне что, делать нечего?

Полина записала: «Фонарь у будки. 00:00–01:00. Проверить датчик». Потом спросила:

— А женщина в чём была одета?

— На ней было тёмное пальто. Рядом стояла сумка. Я ничего не трогал — делал всё, как учили.

— Хорошо. Спасибо.

Она вышла из парка и остановилась на автобусной остановке. Дождь кончился, но воздух был сырой, тяжёлый. Полина достала телефон, набрала номер дежурного следователя. Тот ответил не сразу, голос был вялый, больничный.

— Крылова? А, это вы. Ну что, посмотрели?

— Посмотрела. Скажите, а сумка у неё была застёгнута?

— В смысле?

— Молния на сумке. Была закрыта или открыта?

На том конце помолчали.

— Не помню. В протоколе написано: сумка на месте, ценности не похищены. А что?

— Да так. — Полина посмотрела на мокрый асфальт. — Спасибо. Выздоравливайте.

Она вернулась в отдел к шести. Кабинет двадцать шесть встретил её тишиной и гудением старого компьютера. Полина разложила на столе материалы: фотографии, протокол осмотра, заключение патологоанатома. Всё сходилось. Женщина — двадцать девять лет, журналистка. Место работы — городская газета «Голос». Жила одна, в съёмной квартире. Родственников в городе нет. В крови — следы опиатов. Шприц — одноразовый, с её отпечатками. Сумка — с документами, кошельком, телефоном. Ничего не украдено.

Полина откинулась на спинку стула. Всё выглядело безупречно — и именно это её настораживало. Чересчур гладко, будто кто-то старательно собрал пазл, но нарочно оставил одну лишнюю деталь, чтобы она не давала покоя.

Она открыла блокнот и написала: «Что не так?» Потом добавила: «Проверить: 1) кто последний видел её живой; 2) статьи за последний месяц; 3) фонарь у будки; 4) окурки; 5) токсикология — точно ли доза смертельная». Посмотрела на список и вычеркнула пятый пункт: токсикология — не её уровень, там всё решат без неё.

В дверь постучали. На пороге стояла Светлана из соседнего кабинета.

— Крылова, ты домой? Уже седьмой час.

— Сейчас.

— Не сиди допоздна, — предупредила Светлана с усмешкой. — У нас тут косо смотрят на новичков, которые стараются больше всех. Сразу думают, что ты хочешь выслужиться.

— Я просто разбираюсь.

— Разбирайся, но не в одиночку. — Светлана кивнула на папки. — Что там? Труп из парка?

— Да. Передозировка.

— Ну и что ты тогда сидишь?

Полина посмотрела на неё.

— Не знаю. Что-то не сходится.

Светлана вошла в кабинет, прикрыла дверь.

— Крылова. Я тебе по-дружески. Ты молодая, из области. У нас тут такие дела любят закрывать быстро. Передозировка — это не дело. Это статистика. Если ты начнёшь искать то, чего нет, тебя съедят. Не в прямом смысле, но карьеру — точно.

— А если есть?

— Если есть — то тебе никто не скажет спасибо. — Светлана вздохнула. — Ладно. Я тебя не учила. Всё, пошла.

Светлана вышла, и Полина осталась в кабинете одна. За окном давно сгустилась темнота, двор опустел, лишь одинокий фонарь у соседнего здания отбрасывал тусклый жёлтый свет. Она бросила взгляд на часы — пора было собираться домой. Но, прежде чем закрыть папку, Полина ещё раз медленно пролистала фотографии. На снимках — женщина на скамейке: голова запрокинута, руки спокойно лежат на коленях, шея открыта. И ничего больше: ни подозрительного пятна, ни намёка на повреждение.

Полина захлопнула папку, накинула пальто и погасила свет.

Тем временем в морге, в тесной подсобке, Матвей сидел за столом, не шевелясь. Перед ним лежал раскрытый блокнот — на странице всё тот же рисунок: тонкая петля, едва заметный след. Он смотрел на него уже почти полчаса, будто надеялся, что линии сами подскажут недостающее звено. Наконец он потянулся к стопке книг, достал оттуда старую схему вскрытия — ту, что хранил отдельно, как что-то очень важное. Развернул потёртый лист, отыскал на

схеме область шеи, всмотрелся в условные обозначения, а потом снова перевёл взгляд на свой рисунок. И начал сравнивать линии — деталь за деталью.

След от проволоки не был похож на след от шприца. И не был похож на то, что оставляет катетер. Это была тонкая, ровная полоса — такая остаётся, если человек боролся, а петлю затягивали. Медленно. Или быстро, но с усилием.

Матвей взял карандаш и обвёл рисунок в блокноте. Потом перевернул страницу и написал печатными буквами, как всегда, когда хотел, чтобы его поняли: «Это не передозировка. Это убийство».

Матвей перевёл взгляд на страницы блокнота, вчитался в собственные пометки, будто надеялся отыскать в них что-то новое. Потом захлопнул его, поднялся и подошёл к двери. Осторожно приоткрыл створку — в коридоре царили тишина и темнота. Григорий Семёнович ушёл ещё в пять, санитары тоже разошлись по домам. Матвей точно знал: сейчас в морге никого, кроме него.

И ещё он знал, что завтра утром сюда придёт та молодая следовательница в тёмном пальто. Он помнил, как она смотрела на дело — не равнодушно, не по обязанности, а так, будто каждое слово и каждая деталь для неё по-настоящему важны. Она была из тех, кто не станет закрывать глаза и отмахиваться от неудобных вопросов.

Вернувшись к столу, Матвей снова взял блокнот, бережно сунул его в карман. Завтра он обязательно найдёт способ передать его Полине. Не представлял ещё, как именно это сделать — тихо, незаметно, так, чтобы никто не заметил. Но одно знал твёрдо: он это сделает.

Глава 4. «Тихий, не лезь»

Утро в морге начиналось с запаха хлорки и звука льющейся воды. Матвей вставал раньше всех — привычка, оставшаяся с тех лет, когда он сам был здесь не дворником, а врачом. В шесть утра он уже мыл пол в коридоре, протирал подоконники, проверял, закрыты ли двери холодильных камер. Работа простая, механическая. Она не требовала слов. Именно поэтому он её и выбрал.

В половине восьмого пришёл Григорий Семёнович. Он всегда приходил в одно и то же время, с одним и тем же выражением лица — человека, который давно перестал ждать от жизни сюрпризов. Увидев Матвея в коридоре, он кивнул и прошёл в свой кабинет. Матвей вытер руки о тряпку и пошёл за ним.

Он остановился в дверях и постучал по косяку. Григорий Семёнович поднял голову.

— Что? — спросил он без раздражения, просто устало.

Матвей достал блокнот, открыл на странице с рисунком и положил на стол перед патологоанатомом. Григорий Семёнович посмотрел на лист, потом на Матвея, потом снова на лист.

— Это что? — Он ткнул пальцем в тонкую линию на шее нарисованной фигуры. — Петля?

Матвей кивнул. Потом перевернул страницу и показал надпись: «Это не передозировка. Это убийство».

Григорий Семёнович медленно снял очки, протёр их платком, который достал из кармана халата, и надел обратно. Он делал так всегда, когда собирался сказать что-то, что ему не хотелось говорить.

— Матвей, — начал он тихо. — Ты меня извини, но ты дворник. Понимаешь? Дворник. Я тебя уважаю. Ты хороший человек, работаешь хорошо, никому не мешаешь. Но ты не патологоанатом. Уже нет. — Он сделал паузу. — И это не твоё дело.

Матвей не двинулся с места. Он смотрел на Григория Семёновича и ждал.

— Я видел заключение, — продолжил тот, словно оправдываясь. — Там всё чисто. Токсикология подтвердила: доза смертельная. Шприц с её отпечатками. Следов борьбы нет. Если бы там была проволока, я бы увидел. У меня тридцать лет стажа. Тридцать, Матвей. — Он поднял три пальца, как будто это было важно. — А ты рисуешь в блокноте какие-то линии и приходишь ко мне с этим. Ну что это?

Матвей перевернул страницу обратно. Показал на рисунок, потом на схему вскрытия, которую принёс с собой. Ткнул в шею на схеме. Потом в рисунок. Потом снова в схему.

Григорий Семёнович вздохнул.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но я не могу переписать заключение из-за рисунка в блокноте. Это не доказательство. Это фантазия. — Он помолчал. — Ты давно не работал с телами. Ты забыл, как это бывает. Тебе кажется, что ты видишь то, чего нет. Я знаю, о чём говорю. У меня тоже так было. После первого года. Каждый труп кажется убитым. Потом проходит.

Матвей не уходил. Он стоял и смотрел. Григорий Семёнович отвернулся и начал перекладывать бумаги на столе.

— Иди работай, — сказал он. — Пол в коридоре не домыт. И не лезь в чужие дела. Тебя же просили. Тихий, не лезь.

Матвей взял блокнот и вышел. В коридоре он остановился, прислонился к стене. Он не злился. Он знал, что так будет. Он знал это ещё вчера, когда рисовал петлю. Но всё равно пришёл. Потому что не мог иначе.

Он вернулся к своим делам: вымыл пол, вынес мусор, протёр подоконники. В девять привезли новое тело — пожилой мужчина, инфаркт. В десять — ещё одно, из квартиры, тоже инфаркт. Матвей видел, как их провозят мимо. Он не подходил. У него была своя работа.

В половине одиннадцатого в морг пришла та самая молодая женщина в пальто. Полина Крылова. Матвей узнал её сразу: по походке, по тому, как она смотрела по сторонам — внимательно, цепко. Она поднялась на второй этаж к Григорию Семёновичу. Матвей слышал через дверь, как она что-то спрашивает, как патологоанатом отвечает ей устало и односложно.

Он мыл пол в коридоре, когда она вышла. Полина остановилась в дверях, посмотрела на него. Матвей выпрямился, держа швабру в руке. Она была ниже его на полголовы, с собранными в хвост волосами и усталыми глазами.

— Вы дворник? — спросила она.

Матвей кивнул.

— А где Григорий Семёнович?

Матвей показал в сторону кабинета.

— Ясно. — Она помолчала. — А вы тут давно работаете?

Матвей кивнул.

— Понятно. — Она уже собиралась уйти, но что-то её остановило. Может быть, то, как он смотрел. Может быть, то, что он не отвёл взгляд. — А вы… — Она запнулась. — Извините. Мне сказали, вы немой. Это правда?

Матвей снова кивнул. Потом, помедлив, достал блокнот. Полина напряглась, но не ушла. Матвей открыл страницу с рисунком и протянул ей.

Она посмотрела. Сначала быстро, потом медленнее. Потом взяла блокнот в руки.

— Это что? — спросила она.

Матвей перевернул страницу. Показал надпись.

Полина читала долго. Потом подняла на него глаза.

— Вы уверены?

Матвей кивнул.

— Почему вы не сказали патологоанатому?

Матвей показал на кабинет Григория Семёновича и сделал жест, который можно было понять как «бесполезно».

Полина закрыла блокнот. Она стояла и думала. Матвей видел, как она борется с собой: с одной стороны — «не лезь», с другой — что-то, что не давало ей покоя ещё вчера. Он знал это чувство. Оно было знакомым.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я не знаю, что с этим делать. Но блокнот я заберу. Если вы не против.

Матвей кивнул.

— И ещё. — Она посмотрела на него внимательно. — Вы раньше работали в морге? Не дворником?

Матвей не ответил. Он просто смотрел на неё. И Полина, которая ещё вчера не знала, что в этом городе есть человек, способный видеть то, чего не видят другие, вдруг поняла, что этот немой дворник знает о мёртвых больше, чем все, с кем она говорила за последние два дня.

— Я верну, — сказала она и вышла.

Матвей остался стоять в коридоре. Швабра была у него в руке, вода в ведре уже остыла. Он смотрел ей вслед и думал о том, что впервые за долгое время кто-то взял его блокнот не для того, чтобы пролистать и отмахнуться. А для того, чтобы прочитать.

Глава 5. Блокнот

Полина вернулась в отдел к полудню. В кармане пальто лежал блокнот Матвея — тонкий, в клетку, с потрёпанной обложкой. Она не открывала его в автобусе, хотя хотелось. Было что-то в этом блокноте, что заставляло её чувствовать себя так, будто она несёт чужой секрет. Или чужую жизнь.

В кабинете двадцать шесть было холодно. Батарея под окном работала через раз, и Полина уже успела понять, что в этом городе ничто не работает так, как должно. Она сняла пальто, повесила его на гвоздь, села за стол и положила блокнот перед собой. Потом достала из ящика папку с материалами по делу и открыла её на странице с фотографией шеи.

На снимке не было ничего примечательного: только кожа, лёгкие тени и едва уловимый синеватый оттенок. Полина поднесла фотографию ближе к свету лампы, потом снова отодвинула — всё равно ничего не удавалось разглядеть.

Она перевела взгляд на рисунок Матвея. Тонкая линия, почти сливающаяся с контуром волос, едва заметная, будто случайная. Потом опять посмотрела на фото, вгляделась, ещё раз проверила.

Полина не была патологоанатомом — она была следователем. Но даже без специальной подготовки она понимала: если след есть, он должен проявляться. Либо его действительно нет, либо его намеренно не заметили. Либо он прячется там, где никто не стал искать — под прядями волос, в складке кожи, в той самой точке, которую просто не сочли важной.

Она открыла блокнот Матвея на первой странице. Там был набросок петли. На второй странице твёрдым, чётким почерком было выведено: «Это не передозировка. Это убийство». На третьей — ещё один рисунок: схема шеи с аккуратными пометками и линиями. Матвей рисовал не как художник, а как человек, привыкший видеть анатомию. Каждая линия стояла на своём месте, каждый изгиб имел смысл.

Перевернув страницу, Полина увидела столбик цифр. Сначала они показались ей бессмысленным набором, но спустя мгновение всё сложилось: это были измерения. Диаметр петли, ширина следа, угол наклона — всё то, что не попало в официальное заключение. Матвей зафиксировал и измерил то, что увидел только он. То, что остальные просто не заметили.

Полина закрыла блокнот и откинулась на стуле. В голове было две мысли. Первая: этот человек знает, что делает. Вторая: почему он живёт в подсобке морга и моет полы?

Она достала телефон, набрала номер Григория Семёновича.

— Слушаю, — ответил он недовольно.

— Григорий Семёнович, это Крылова. Извините, что беспокою. У меня вопрос по тому трупу, из парка. Вы не могли бы посмотреть ещё раз? На шее под волосами.

На том конце помолчали.

— Крылова, вы что, снова за своё? — Голос стал жёстче. — Я вам сказал: передозировка. И всё. Токсикология подтвердила. Если вы хотите переписать заключение, идите к начальству. Я не буду тратить время на фантазии.

— Это не фантазия. Я видела рисунок.

— Чей рисунок? — Григорий Семёнович хмыкнул. — Дворника? Вы что, слушаете немого дворника? Крылова, вы в своём уме?

Полина сжала телефон.

— А что, если он прав?

— Если он прав, выходит, я тридцать лет делал свою работу впустую, — глухо произнёс патологоанатом и на секунду замолчал, будто сам не хотел верить в эти слова. — Послушайте, девочка, не знаю, как у вас там, в области, дела вели, но у нас тут всё устроено иначе. У нас есть заключение, есть подпись, есть чёткий порядок. А этот ваш дворник… Он после пожара

память потерял. Живёт в морге, потому что некуда больше идти. Листает чужие бумаги от скуки. Рисует в блокноте, чтобы хоть чем-то себя занять. И вы хотите на этих рисунках строить уголовное дело?

Полина промолчала, не сводя с него твёрдого взгляда.

— Вот именно, — снова вздохнул Григорий Семёнович, словно её молчание подтверждало его правоту. — Так что идите занимайтесь делом. И Матвея не трогайте. Он тихий, спокойный. Ему и без того нелегко.

Он положил трубку. Полина осталась сидеть с телефоном в руке. За окном шёл дождь со снегом, двор был серый, пустой. Она посмотрела на блокнот. Потом открыла папку снова. Потом достала из ящика пустой лист и начала писать.

«Что мы имеем:

Труп женщины, 29 лет, журналистка.

Официальная версия — передозировка.

След от проволоки на шее (по словам Матвея).

Патологоанатом отказывается пересматривать заключение.

Токсикология подтверждает дозу.

Место — парк, безлюдное, ночью.

Фонарь у будки горел около 20 минут.

Окурки разных марок у стены.

Сумка на месте, ценности не похищены.

Шприц с отпечатками жертвы».

Полина взглянула на список. Пункт три выбивался из общей картины — и опирался он на слова человека, к которому все относились с недоверием. Она тяжело вздохнула. Ей были понятны доводы Григория Семёновича, ясно и то, какой риск она берёт на себя, если продолжит копать. Помнила и строгий наказ начальника: «Без героизма». Но что-то упорно не давало ей успокоиться. Может, тот прямой взгляд Матвея в коридоре — он не отвёл глаз, не потупился, будто знал: кто-то должен его услышать. А может, просто тот факт, что он оказался единственным, кто вообще заметил нестыковку.

Она поднялась, накинула пальто и вышла из кабинета.

В морге в обеденные часы стояла непривычная тишина. Санитары ушли на перерыв, а Григорий Семёнович заперся у себя в кабинете. Полина тихо прошла мимо, спустилась на первый этаж и свернула к секционной. Дверь оказалась приоткрытой. На столе лежало тело женщины из парка, прикрытое простынёй. Полина замерла на пороге: она прекрасно понимала, что не имеет права здесь находиться. Но всё же переступила порог.

Осторожно откинув простыню, она вгляделась. Женщина выглядела так же, как и накануне: лицо спокойное, губы с синеватым оттенком. Полина наклонилась, изучая шею — кожа казалась чистой, без единого подозрительного следа. Тогда она бережно приподняла пряди волос у линии роста. И там, почти скрытая от взгляда, обнаружилась тонкая полоска — будто кто-то едва коснулся кожи ногтем… или туго затянул тонкую проволоку.

Полина выпрямилась, чувствуя, как бешено колотится сердце. Достав телефон, она включила фонарик: полоска была ровной, чёткой, тянулась почти от уха к уху. Это точно не след от шприца и не отметина от катетера. Это был след от чего-то, что затягивали, сдавливали.

Не теряя времени, Полина сделала несколько снимков, затем аккуратно укрыла тело простынёй и вышла в коридор. Там, прислонившись к стене и держа в руке тряпку, её уже ждал Матвей. Он не отводил взгляда, просто стоял и смотрел. Полина остановилась, встретившись с ним глазами.

— Вы были правы, — сказала она тихо. — Я видела.

Матвей кивнул. Он не выглядел довольным. Он выглядел так, будто ждал этого и боялся.

— Почему вы не сказали мне сразу? — спросила она. — Почему не показали?

Матвей достал блокнот — другой, маленький, в кармане, — и написал: «Я показал. Мне не поверили».

Полина посмотрела на него.

— Я не Григорий Семёнович, — сказала она. — Я вам верю.

Матвей смотрел на неё долго. Потом кивнул.

Они стояли в коридоре морга, между холодильными камерами и секционной, и молчали. Полина понимала, что теперь у неё есть проблема. Она видела след. Но у неё не было доказательств. Фотографии на телефон — не заключение. Патологоанатом откажется. Начальник скажет: «Без героизма». А тело скоро кремируют или похоронят, и след исчезнет навсегда.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала она. — Официально я не могу вас привлечь. Вы не эксперт. Но вы видите то, чего не видят другие. Мне нужно, чтобы вы посмотрели материалы. Показания. Фотографии с места. Всё, что у меня есть.

Матвей кивнул.

— Только это будет неофициально, — продолжила Полина. — Если что-то пойдёт не так, я скажу, что это моя инициатива. Вы ни при чём. Понятно?

Матвей снова кивнул. Потом написал: «Я привык».

Полина не спросила, что это значит. Она достала из сумки папку и протянула ему.

— Здесь всё. Фотографии, протокол, показания сторожа. Посмотрите сегодня. Завтра утром я приду, и вы мне скажете, что видите.

Матвей взял папку. Он держал её так, как держат что-то ценное. Полина впервые заметила, что у него красивые руки. Длинные пальцы, ровные ногти. Руки врача, а не дворника.

Матвей помолчал. Потом открыл блокнот и написал: «Я был патологоанатомом. Давно. Потом перестал».

— Почему?

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то, что Полина не могла прочитать. Потом он написал: «Пожар. Жена. Память».

Полина не стала спрашивать дальше. Она кивнула.

— Хорошо. Завтра утром. Я приду.

Она вышла из морга и остановилась на крыльце. Дождь кончился, но воздух был сырой. Полина посмотрела на телефон. На снимках след был виден. Не так чётко, как на рисунке Матвея, но виден. Она сохранила фотографии в отдельную папку. Потом набрала номер начальника.

— Крылова? Что у вас?

— Я осмотрела тело. На шее есть след — тонкая полоса. Очень похоже на отметину от проволоки, — твёрдо сказала Полина.

На том конце провода ненадолго воцарилась тишина.

— Вы уверены в том, что видите? — осторожно переспросил начальник.

— Да. Я не просто увидела — сфотографировала. Снимки при мне.

— А что говорит патологоанатом?

— Отказывается пересматривать заключение. Считает, что всё и так ясно.

Начальник тяжело вздохнул.

— Крылова, вы осознаёте, к чему это ведёт? Если вы правы, перед нами не несчастный случай и не передозировка, а убийство. А если вы ошибаетесь — мы впустую потратим ресурсы и подставим себя под удар. Вы готовы отвечать за последствия?

— Готова, — без колебаний ответила Полина.

Он помолчал ещё мгновение, словно взвешивая её слова.

— Хорошо. Тогда действуйте. Но тихо, без лишнего шума. И если окажется, что это ложный след, я хочу узнать об этом первым — до того, как информация разойдётся дальше.

Полина нажала «отбой» и опустила телефон. Она стояла на крыльце морга, глядя в серое, будто выцветшее небо. Где-то внизу, в тесной подсобке Матвей открыл папку с материалами и погрузился в чтение. Он двигался неторопливо, вчитываясь в каждую строчку, отмечая детали и делая аккуратные пометки в своём блокноте. Он ещё не знал, что совсем скоро ему придётся вытащить из памяти то, что он годами старался забыть, — и что именно это воспоминание станет ключом ко всему.

Вечером Полина сидела в своём кабинете, разбирая публикации погибшей журналистки. Её звали Ирина Соколова, ей было двадцать девять лет. Три года она проработала в издании «Голос», специализируясь на темах медицины, фармацевтики и клинических испытаний. Её последняя статья была посвящена препарату, который разрабатывала компания «ФармСтандарт». А за всем этим стоял магнат Олег Вельяминов.

Полина вбила его имя в поисковик. На экране появилась фотография: мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме, с гладко уложенными волосами и взглядом, в котором не было ни капли тепла. Владелец целой фармацевтической империи, человек с обширными связями в министерстве, известный благотворитель и меценат.

Она открыла статью Ирины. Журналистка писала о серьёзных побочных эффектах препарата, о смертях во время испытаний и о том, как компания намеренно скрывала эти данные. Публикация вышла две недели назад. За ней последовала ещё одна. А потом Ирина погибла.

Полина откинулась на спинку стула, позволяя мыслям собраться в единую картину. Мотив был налицо: журналистка подбиралась слишком близко к опасным тайнам. Вельяминов мог захотеть её остановить. Всё выглядело логично, но вопросов оставалось больше, чем ответов. Кто именно исполнил приказ? Врач? Сотрудник скорой помощи? Кто-то из персонала клиники? И почему орудием убийства стала проволока, а не что-то более очевидное? Полина записала в блокнот: «Вельяминов — мотив. Кто исполнитель? Врач? Скорая? Кто-то из клиники?»

Взглянув на часы, она поняла, что уже десять вечера. Пора было собираться домой, но Полина знала: уснуть сегодня не получится. Она достала блокнот Матвея, открыла его на странице с рисунком и снова всмотрелась в тонкую линию. Петля. След. Убийство. И теперь это не просто предположение.

Тем временем в подсобке морга Матвей всё так же сидел за своим столом. Перед ним лежала папка с материалами дела. Он изучал показания сторожа, рассматривал фотографии с места происшествия, вчитывался в протокол. Его взгляд цеплялся за несоответствия, которые другие пропускали. Сторож утверждал, что женщина сидела на скамейке. Но на фото она полулежала, откинувшись на спинку, при этом её руки спокойно лежали на коленях. Если бы смерть наступила от передозировки, мышцы расслабились бы, и тело сползло бы вниз. Но поза оставалась ровной — будто женщину специально усадили. Или она умерла так быстро, что тело просто не успело изменить положение.

Матвей перевернул страницу. На снимке была сумка погибшей — молния на ней была плотно закрыта. Он приблизил увеличенный фрагмент: застёжка была застёгнута до самого конца. Если женщина сама готовила дозу, она должна была открыть сумку, достать шприц, использовать его… Но стала бы она потом аккуратно закрывать молнию? Возможно. Но зачем? Если ты собираешься умереть, такие мелочи перестают иметь значение. Что-то здесь не сходилось.

Ещё один поворот страницы — и перед ним оказались показания сторожа: «Свет был, фонарь горел. Минут двадцать». Матвей достал схему парка, которую сам набросал от руки. На ней были отмечены будка сторожа, скамейка и расстояние между ними — около тридцати метров. Фонарь был оснащён датчиком движения. Если кто-то стоял возле будки, датчик должен был сработать. Значит, кто-то там был. Убийца? Свидетель? Человек, который просто ждал?

Матвей отложил папку, достал из тайника старую схему вскрытия — ту самую, которую хранил под стопкой книг. Развернув пожелтевший лист, он положил его рядом с фотографией погибшей. Затем взял карандаш и начал рисовать. Сначала очертил шею, потом наметил линию, затем изобразил петлю. Каждый штрих ложился уверенно, будто его рука помнила то, что давно забыла голова.

Он рисовал медленно, как будто вспоминал. И чем дольше он рисовал, тем яснее становилось что-то в его голове. Что-то, что он не мог вспомнить словами, но мог — руками.

Матвей дорисовал последний штрих и замер, вглядываясь в набросок. Потом устало откинулся на спинку стула. В подсобке стояла глухая тишина — лишь за стеной монотонно гудел холодильник.

Он прикрыл глаза — и внезапно перед внутренним взором вспыхнул огонь: яркий, жадно рвущийся вверх, жёлто-оранжевый. Послышался крик — женский, отчаянный. Слов он не помнил, только этот пронзительный звук, врезавшийся в память. И ещё запах — едкий, тяжёлый запах дыма, от которого перехватывало дыхание.

Матвей резко распахнул глаза. Руки предательски дрожали. Он стиснул в пальцах карандаш, будто тот мог удержать его в настоящем. Он не мог восстановить ту ночь по кадрам, не мог собрать из обрывков цельную картину. Но он точно знал: это было. И знал ещё одно — воспоминания не исчезнут навсегда. Они вернутся. Рано или поздно.

Он снова посмотрел на рисунок: петля, тонкая линия, след. Убийство. И что-то ещё — какая-то деталь, ускользающая от понимания, будто пряталась в тени смысла. Что-то важное, что он пока не мог сформулировать.

Перевернув страницу, Матвей вывел твёрдыми буквами: «Завтра скажу ей всё».

Глава 6. Читая по губам

Полина пришла в морг в восемь утра, когда ноябрьское небо ещё не решило, рассветать ему или нет. Она не спала почти всю ночь: читала статьи Ирины Соколовой, гуглила «Фарм-Стандарт», изучала биографию Олега Вельяминова. Магнат оказался фигурой основательной: член совета директоров нескольких клиник, спонсор городской больницы, лицо с обложки местного делового журнала. На фотографиях он улыбался так, будто заранее знал, что все вокруг ему обязаны. Полина записала в блокнот: «Вельяминов — мотив. Проверить связи с моргом и клиникой. Кто мог подделать протокол?»

Она толкнула железную дверь. В коридоре пахло хлоркой, как всегда. Матвей уже мыл пол — в синем халате, с ведром и шваброй. Увидев Полину, он выпрямился и кивнул в сторону подсобки. Она прошла за ним.

Подсобка оказалась маленькой комнатой с кроватью, столом и полкой, забитой книгами. На столе лежала папка, которую она дала ему вчера, и раскрытый блокнот. Матвей закрыл дверь, сел на стул и жестом предложил Полине второй. Она села.

— Ну? — спросила она.

Матвей открыл блокнот на первой странице. Там был список — печатными буквами, ровными, как в прописи. Полина прочитала:

1. Поза. Сидит ровно. При передозировке — сползла бы. Её посадили.

Сумка: молния оказалась полностью застёгнутой. Вряд ли женщина закрыла её сама — скорее, это сделал кто-то другой.

Фонарь: он горел ровно двадцать минут. Значит, у будки кто-то находился всё это время.

Окурки: они разные — это может означать, что на месте было несколько человек либо один человек курил сигареты разных марок.

Шея: на ней заметен тонкий след — похоже, что проволоку затягивали сзади.

Время: преступление произошло между полуночью и двумя часами ночи. Сторож отметил, что видел свет примерно в 00:30.

Свидетели: никто не заметил, как женщина пришла в парк, и никто не видел, в какой момент она погибла.

Полина подняла глаза.

— Это всё?

Матвей перевернул страницу. На ней был набросок: схема парка с будкой и скамейкой, стрелки, указывающие направление. А под ним ещё одна пометка: «След от проволоки не сзади, а сбоку. Правый бок. Убийца находился справа от неё. Или она сидела, а он стоял над ней».

Полина нахмурилась:

— Почему сбоку?

Матвей молча указал на рисунок, потом на фотографию шеи и провёл пальцем по линии следа.

— След идёт под наклоном, — заметила Полина, вглядываясь в снимок. — В самом деле… Если бы петлю затягивали сзади, полоса была бы ровной, горизонтальной. А здесь явный уклон.

Матвей кивнул и вывел на бумаге: «Он стоял справа. Она сидела. Он набросил петлю и резко потянул. Всё произошло быстро — она даже не успела подняться».

Полина подняла на него глаза.

— Вы уверены?

Матвей снова утвердительно кивнул, а затем дописал: «Проволока тонкая, не верёвка. Такую трудно найти. И её никто не искал».

Полина откинулась на спинку стула. Все детали складывались в единую картину — и складывались слишком гладко. Она открыла свой блокнот и записала: «Убийца находился справа. Стоял. Орудие — проволока. Затем усадил тело, застегнул сумку, ушёл. Свет у будки — возможно, он ждал кого-то или проверял, не видит ли кто-нибудь».

— Хорошо, — сказала она, захлопнув блокнот. — Это уже прогресс. Но нам по-прежнему нужен мотив и исполнитель. Я вчера перечитала статьи Соколовой. Она подбиралась к «ФармСтандарту». Вельяминов. Вы слышали о таком?

Матвей помолчал. Потом написал: «Знаю. Его клиника. Здесь были его люди. Привозили тела. Несколько раз».

Полина подалась вперёд.

— Какие тела?

Матвей перевернул страницу блокнота. Там был список — даты и имена. Полина прочитала: «Петров А.В., 45 лет, инфаркт. Смирнова Е.К., 38 лет, инсульт. Гусев Д.М., 52 года, сердечная недостаточность». Все — из клиники «ФармСтандарт». Все — за последние полгода.

— Это те, кого привозили? — спросила Полина.

Матвей кивнул и вывел в блокноте: «Все — участники испытаний. Я читал заключения. Смерти странные. Но подписывал Григорий Семёнович».

Полина ощутила, как по спине пробежал холодок.

— Он знал?

Матвей неопределённо повёл плечами, потом дописал: «Он не спрашивал. Ему платили. Или он боялся».

Полина захлопнула блокнот. Вот она, суть. Это не просто убийство журналистки — это система. Клиника, которая убивает людей, и морг, который ставит подписи под бумагами. А над всем этим — Вельяминов.

— Мне нужно попасть в клинику, — сказала она. — Официально не могу: нет оснований. Но могу прийти как следователь по делу Соколовой — выяснить, обращалась ли она к ним с запросами. Сойдёт за проверку.

Матвей смотрел на неё, потом написал: «Осторожно. Там охрана. Там всё схвачено».

— Знаю, — Полина поднялась со стула. — Но выбора у меня нет. Если я не начну копать, через неделю дело закроют. Передозировка, статистика, все свободны.

Матвей тоже встал. Он глядел на неё так, словно хотел что-то сказать, но не мог выговорить. Полина всё поняла.

— Вы хотите пойти со мной?

Матвей кивнул.

— Вас туда не пустят. Вы же дворник.

Матвей вывел: «Я не пойду внутрь. Постою на улице и посмотрю, кто входит, кто выходит. Может, увижу знакомых».

Полина задумалась. Затея была рискованной: если кто-то заметит, что следователь привела с собой немого дворника из морга, посыпятся вопросы. Но Матвей был прав — он мог разглядеть то, что она пропустит. Он читал по губам, знал лица. Он был её глазами.

— Хорошо, — согласилась она. — Но вы не вмешиваетесь. Просто наблюдаете. И если что-то пойдёт не так — уходите. Договорились?

Матвей кивнул.

Из морга они вышли вместе. Полина поймала такси. Матвей устроился на заднем сиденье с блокнотом в руках и всю дорогу смотрел в окно. Полина тоже молчала, размышляя о том, что делает. Она рисковала карьерой. Рисковала всем. Но что-то внутри не давало ей повернуть назад. Упрямство? Принцип? А может, взгляд Матвея — такой, будто именно она, и никто другой, в состоянии что-то изменить.

Клиника «ФармСтандарт» занимала новое стеклянное здание на окраине города. Вход — через охрану, турникеты, повсюду камеры. Полина вышла из машины, поправила пальто и подошла к стойке регистрации.

— Следователь Крылова, — она показала удостоверение. — Мне нужно переговорить с кем-то из руководства. По делу Ирины Соколовой.

Девушка за ресепшеном взглянула на неё с вежливым недоумением.

— Одну минуту. — Она взяла телефонную трубку.

Полина оглянулась. Матвей стоял на улице, у самого входа, с метлой — он прихватил её с собой для правдоподобия. Неторопливо подметал асфальт, но взгляд его не отрывался от стеклянных дверей. Он смотрел, кто входит и кто выходит. И читал по губам.

Через пять минут к Полине вышел мужчина в костюме — лет сорока, гладко выбритый, с быстрыми глазами.

— Следователь? — Он улыбнулся. — Чем обязаны?

— Ирина Соколова. Журналистка. Она обращалась к вам с запросами по клиническим испытаниям?

Мужчина не сводил с неё натянутой улыбки.

— Честно говоря, не припомню такого запроса, — спокойно произнёс он. — У нас сейчас столько обращений, что голова идёт кругом. Если оставите официальное письмо, мы обязательно подготовим ответ.

— Мне бы хотелось обсудить это с тем, кто непосредственно курирует испытания, — настаивала Полина.

— К сожалению, сейчас все на срочных задачах, — он слегка развёл руками, будто извиняясь за чужую занятость. — Может, получится завтра?

Полина молча кивнула, прекрасно понимая: её аккуратно, но твёрдо ставят за порог.

— Хорошо, — сдержанно согласилась она. — Тогда я оставлю письмо.

Она вышла. Матвей всё ещё подметал двор. Когда Полина поравнялась с ним, он едва заметно кивнул в сторону парковки. Полина взглянула. У чёрного входа стояла машина скорой помощи. Из неё вышли двое — врач и санитар. Врач был в тёмном пальто, с чемоданчиком в руке. Он что-то коротко сказал санитару, и они вместе направились в здание.

Полина достала телефон и сделала снимок. Потом подошла к Матвею.

— Кто это?

Матвей открыл блокнот и аккуратно вывел: «Врач — Вельяминов-младший. Аркадий. Брат».

Полина замерла.

— Брат магната?

Матвей кивнул и дописал: «Он бывал в морге. Привозил тела, тот самый, который подписывал протоколы».

Полина посмотрела на фотографию. Мужчина в пальто садился в машину. Она увеличила снимок. Лицо было чётким: худое, с острыми скулами, тёмные волосы, очки. Аркадий Вельяминов.

— Вот оно, — сказала она тихо. — Исполнитель.

Матвей не сводил с Полины взгляда. В его глазах читалось нечто новое — не испуг и не смятение, а какое-то глубокое, тяжёлое осознание. Казалось, он вдруг узнал человека на фото, будто эта встреча разворошила старые, давно спрятанные воспоминания.

— Вы его знаете? — тихо спросила Полина.

Матвей медленно кивнул. Затем вывел в блокноте: «Он работал здесь давно. Ещё до пожара».

У Полины внутри всё похолодело.

— Он был вашим коллегой?

Матвей не ответил. Он по-прежнему смотрел на фотографию, и карандаш в его руке заметно подрагивал. Полина осторожно взяла его за руку. Он вздрогнул, но не отдёрнул ладонь.

— Матвей, — её голос звучал тихо, но твёрдо, — что он сделал?

Он поднял на неё глаза — в них застыло что-то невысказанное, тяжёлое, почти болезненное. Потом начал писать, и каждое слово давалось ему с видимым усилием: «Он был там в ту ночь. Я помню его голос».

Полина застыла.

— В ночь пожара?

Ещё один кивок.

— Это он поджёг ваш дом?

Матвей ничего не ответил. Он захлопнул блокнот и спрятал его в карман. Потом подхватил метлу и направился к дороге. Полина поспешила за ним.

— Матвей, подождите! Это важно. Если он был там, если причастен к пожару — это меняет всё. Это мотив, это связь… Вы понимаете?

Он остановился и обернулся. Лицо было бледным, будто из него разом ушла вся краска. Достав блокнот, он написал всего одно слово: «Не знаю».

Полина смотрела на него и понимала: сейчас давить нельзя. Она чуть склонила голову и спокойно сказала:

— Хорошо. Вернёмся к этому позже. А сейчас давайте вернёмся в отдел. У нас есть фото, есть зацепка, есть дело.

Матвей кивнул. Они двинулись к остановке. По пути Полина перебирала в голове всё, что узнала. Аркадий Вельяминов: брат магната, врач клиники «ФармСтандарт», бывший коллега Матвея, человек, который был в ту самую ночь пожара, тот, кто подписывал сомнительные протоколы… и, возможно, убийца Ирины Соколовой.

Она вдруг резко остановилась.

— Матвей!

Он обернулся, чуть нахмурившись.

— Вы сказали, что помните его голос. Что он говорил в ту ночь?

Матвей долго смотрел на неё, будто взвешивая, стоит ли снова вытаскивать из памяти эти слова. Потом открыл блокнот и вывел: «Он сказал: „Тихо. Не лезь“».

Холод скользнул по спине Полины.

— Как и Григорий Семёнович? — прошептала она.

Матвей снова кивнул.

— Они связаны, — выдохнула Полина. — Всё связано.

Достав телефон, она набрала начальника.

— Крылова? Что у вас? — раздался в трубке его голос.

— У меня подозреваемый, — чётко произнесла Полина. — Аркадий Вельяминов. Врач клиники «ФармСтандарт», брат Олега Вельяминова. Он подписывал фальшивые протоколы. И, вероятно, причастен к смерти Соколовой.

На том конце провода повисла короткая пауза.

— Крылова, вы уверены?

— Уверена. Мне нужно разрешение на допрос.

— Ладно. Но будьте осторожны. Вельяминовы — не простые люди. У них связи. Если вы ошиблись, последствия будут для нас обоих.

— Я не ошибаюсь.

Полина нажала «отбой» и подняла глаза на Матвея. Он стоял рядом, всё ещё сжимая в руках метлу, и смотрел на неё. В этом взгляде было что-то, что она не могла сразу определить: то ли надежда, то ли благодарность, то ли просто тихая вера в то, что правда наконец-то начнёт пробиваться наружу.

— Мы справимся, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Вместе.

Матвей едва заметно кивнул. И в этот момент Полина впервые заметила, как уголки его губ чуть дрогнули — словно он пытался улыбнуться, но не знал, как это делается после стольких лет молчания.

Глава 7. Свои люди

Допрос Аркадия Вельяминова назначили на четырнадцать ноль-ноль, но уже в десять утра Полину вызвал начальник. Она вошла в кабинет и сразу поняла: что-то не так. Начальник стоял у окна, спиной к ней, и смотрел во двор. На столе лежала раскрытая папка — её папка, с материалами по делу Соколовой.

— Садитесь, Крылова, — сказал он, не оборачиваясь.

Полина села. Стул, как всегда, оказался низким.

— Я получил звонок, — начал начальник, повернувшись. — От Олега Вельяминова. Он обеспокоен. Говорит, вы приходили в его клинику, задавали вопросы, а теперь вызываете на допрос его брата. Скажите, у вас есть основания?

— Есть. Аркадий Вельяминов подписывал протоколы о смертях участников клинических испытаний. Эти смерти выглядят подозрительно. И он был в морге, когда привозили тело Соколовой.

— Это всё?

— Пока да.

Начальник вздохнул и сел напротив.

— Крылова, я вам скажу как есть. Вельяминовы — это не просто фармацевты. Это связи. Городская администрация, министерство, больницы. Если вы начнёте их трясти, нам всем мало не покажется. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Тогда объясните мне, почему вы продолжаете?

Полина помолчала. Потом достала из папки фотографию шеи.

— Вот смотрите. На шее остался след от проволоки, которого нет в заключении. Патологоанатом пересматривать его не хочет. Но я видела всё своими глазами. И Матвей…

— Дворник? — начальник оборвал её. — Так вы строите дело на словах дворника?

— Он был патологоанатомом. До пожара.

Начальник внимательно посмотрел на Полину.

— Это он сам вам рассказал?

— Да.

— И вы ему поверили?

— Поверила.

Начальник откинулся на спинку стула. Помолчал. Потом всё же заговорил:

— Хорошо. Допрос проводите. Но с максимальной осторожностью. Никаких обвинений — только вопросы. И если он попросит адвоката, сразу прекращаете. Понятно?

— Понятно.

— И ещё. — Он поднял палец. — Матвея в деле не должно быть. Ни свидетелем, ни экспертом, ни кем-либо ещё. Для следствия он не существует. Вы меня поняли?

Полина стиснула зубы.

— Поняла.

— Хорошо. Можете идти.

Она вышла из кабинета и на секунду задержалась в коридоре. Так и тянуло стукнуть кулаком по стене. Но она сдержалась. Вместо этого достала телефон и набрала Матвея. Он не отвечал. Правильно — у него и не было телефона. Полина вдруг усмехнулась сама над собой. Конечно. Немой дворник без телефона. А как она вообще собиралась с ним связываться?

Она поехала в морг. Матвей как раз мыл пол в коридоре. Заметив её, он выпрямился, и Полина жестом подозвала его в подсобку.

— Допрос сегодня в два, — сказала она, закрыв за собой дверь. — Начальник разрешил. Но с условиями: вас в деле быть не должно. Если что — вы никто.

Матвей кивнул. На его лице не было и тени удивления.

— Мне нужно, чтобы вы посмотрели на него. На Аркадия. Когда он будет выходить из кабинета. Сможете? Постоите в коридоре, будто моете пол?

Матвей снова кивнул и открыл блокнот: «Я его знаю. Я посмотрю».

— Хорошо. — Полина ненадолго замолчала. — И ещё. Вы говорили, что он был там в ту ночь, в ночь пожара. Вы помните его голос. Что ещё помните?

Матвей долго смотрел на неё. Потом начал писать: «Огонь. Крик. Слов я не помню. Только голос. Он сказал: „Тихо. Не лезь“. Как Григорий Семёнович. Но это был не он».

— А кто это был?

Матвей неопределённо повёл плечами и вывел: «Не знаю. Может, Аркадий. Может, кто-то другой. Лица не помню».

Полина кивнула.

— Ладно. После допроса обсудим. Может, вспомните ещё что-нибудь.

Она покинула морг и вернулась в отдел. В два часа дня Аркадий Вельяминов вошёл в кабинет. Дорогое пальто, гладкое ухоженное лицо и холодный, оценивающий взгляд — такой же, как у брата на фотографии. Он сел напротив Полины и сдержанно улыбнулся.

— Следователь Крылова? Я вас слушаю.

— Спасибо, что нашли время. — Полина открыла папку. — Мне нужно задать несколько вопросов по делу Ирины Соколовой. Знакома ли вам эта фамилия?

— Нет, — Аркадий покачал головой. — Впервые слышу.

— Она была журналисткой. Писала о клинических испытаниях вашей клиники.

— Журналистов у нас много. Я не запоминаю всех.

— Она также интересовалась смертями участников испытаний. Вот эти имена. — Полина положила на стол список, который передал ей Матвей. — Петров, Смирнова, Гусев. О ком-нибудь из них слышали?

Аркадий бросил беглый взгляд на список.

— Через клинику проходят сотни пациентов. Я не могу помнить каждого.

— Но протоколы подписывали вы. Вот ваша подпись. — Полина выложила на стол копии документов. — Здесь, здесь и здесь.

Аркадий перевёл взгляд на бумаги. Улыбка оставалась на месте, но в глазах что-то изменилось — проступила настороженность.

— Это стандартные документы. Я врач. Мне приходится подписывать множество бумаг.

— Смерти выглядели странно. Во всех случаях — сердечная недостаточность. Все умершие — участники испытаний. Разве это не вызывает у вас вопросов?

— Это вызывает только сожаление. Но ничего подозрительного в этом нет. Испытания — это всегда риск. Пациенты подписывают согласие. Они понимают, на что идут.

— А Ирина Соколова подписала такое согласие? Она тоже знала, на что идёт?

Аркадий на мгновение замолчал.

— Я не понимаю, о чём вы.

— О том, что она нашла нечто такое, что могло разрушить вашу клинику. И она погибла. В парке ночью с тонким следом от проволоки на шее.

Аркадий смотрел на неё в упор. Улыбка исчезла с его лица.

— У неё была передозировка. Я читал об этом в новостях.

— Мы найдём его, — сказала она. — Обещаю.

Матвей посмотрел на неё. В его глазах было что-то, что она не видела раньше. Это было доверие, но настоящее. Он взял её руку и сжал. Полина не отстранилась. Они сидели так

минуту молча, в подсобке морга, среди старых бумаг и чужих смертей. И впервые за долгое время Полина почувствовала, что не одна.

Глава 8. Выскочка

Утро началось с того, что Полина не нашла свою папку на столе. Она пришла в восемь, как обычно, сняла пальто, включила компьютер и потянулась к ящику. Ящик оказался распахнут. Папки внутри не было. Полина проверила второй ящик, затем третий, потом заглянула под стол, осмотрела подоконник — везде пусто.

Она опустилась на стул и обвела взглядом пустой стол. В кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь негромким гулом компьютера. Полина напряжённо пыталась вспомнить, куда положила папку накануне вечером. Она точно знала: перед уходом убрала её в ящик и заперла кабинет. Ключ был только у неё… ну, или не совсем. У секретаря. У начальника. Ещё у Светланы из соседнего кабинета — ей выдавали дубликат на экстренные случаи.

Полина вышла в коридор. Светлана стояла у кулера и пила кофе.

— Свет, ты не заходила в мой кабинет?

— Нет. А в чём дело?

— Папка пропала. Та, по делу Соколовой.

Светлана поставила стакан.

— Ты уверена, что оставляла её там?

— Уверена.

— Может, начальник взял? Или секретарь?

Полина вернулась в кабинет. На столе лежала записка, написанная от руки: «Крылова, зайдите ко мне. Срочно». Подпись — начальник.

Она направилась к нему. Начальник сидел за столом, а перед ним лежала её папка. Он не казался сердитым — скорее, измотанным.

— Садитесь, — сказал он.

Полина опустилась на стул.

— Я забрал папку, — произнёс начальник. — Ещё утром. Потому что мне позвонили.

— Кто?

— Неважно. Важно другое: мне сказали, что вы зашли слишком далеко. Вельяминовы недовольны. По их мнению, вы превышаете полномочия, строите дело на догадках и используете дворника в качестве эксперта.

Полина стиснула зубы.

— Я не использую его как эксперта. Он помогает. И у меня есть основания.

— Основания? — Начальник раскрыл папку. — Вот ваши основания. След на шее, который, кроме вас и дворника, никто не видел. Показания сторожа, который толком ничего не помнит. Список имён, который вам дал тот же дворник. И фотография Аркадия Вельяминова, снятая с улицы. Это не доказательная база, Крылова. Это набор подозрений.

— Он узнал Матвея. Испугался. Я это видела.

— Вы видели. А я — нет. И суд не увидит. — Начальник захлопнул папку. — Я предупреждал вас: действуйте осторожно. Вы не прислушались. Теперь говорю ещё раз: остановитесь, пока не стало слишком поздно.

— А если я не остановлюсь?

Начальник посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда мне придётся передать дело другому следователю. И вы рискуете остаться без работы. Вы этого хотите?

Полина промолчала.

— Идите, — устало произнёс он. — Подумайте.

Она вышла в коридор. Там её ждала Светлана.

— Ну, что?

— Ничего. — Полина попыталась пройти мимо.

— Крылова, — Светлана догнала её. — Я слышала, о чём речь. Это не шутки. Вельяминовы — это не просто деньги. Это люди, которые могут позвонить кому угодно и решить вопрос одним звонком. Если будете упорствовать, вас просто уберут. Тихо, без лишнего шума.

— Я знаю.

— И всё равно пойдёте до конца?

Полина остановилась.

— Свет, ты когда-нибудь видела, чтобы убийцу журналистки оставили безнаказанным?

— Видела. И не раз.

— А я не хочу так. Не могу.

Светлана тяжело вздохнула.

— Ладно. Но учти: я тебе не помощник. У меня двое детей. Мне нужно работать и кормить семью.

Она ушла. Полина осталась стоять посреди коридора, чувствуя, как внутри всё сжимается от горького осознания: она знала, что будет именно так, знала, что останется одна, что никто не встанет рядом. И всё же от этого было не легче.

Она вышла на улицу. Дождь закончился, но воздух был холодным и колючим. Она хотела позвонить Матвею, но вдруг вспомнила. Тогда она поехала в морг.

Матвей мыл пол в секционной. Едва увидев Полину, он выпрямился. По её лицу он сразу всё понял. Отложив швабру, он молча направился в подсобку. Полина последовала за ним.

— Папку забрали, — сказала она, закрыв дверь. — Начальник. Сказал, что Вельяминовы недовольны, и велел остановиться. Иначе дело передадут другому, а меня могут уволить.

Матвей смотрел на неё спокойно, без суеты. Потом открыл блокнот и вывел: «Что будете делать?»

— Не знаю, — Полина опустилась на стул. — Не могу остановиться. Но и продолжать не могу: у меня нет папки, нет доказательств, вообще ничего.

Матвей немного помолчал, будто подбирая слова, потом написал: «У меня есть копии».

Полина вскинула голову.

— Что?

Он достал из-под стола потрёпанную папку. Внутри лежали копии документов — заключения, протоколы, тот самый список имён. Полина смотрела на них, не веря своим глазам.

— Ты сделал копии?

Матвей кивнул. Потом написал: «Я всегда делаю копии. Привычка. На случай, если заберут».

Полина посмотрела на него. В его глазах было что-то, что она не видела раньше. Спокойствие. Он знал, что так будет. Он готовился.

— Ты гений, — сказала она.

Матвей чуть улыбнулся. Потом написал: «Что дальше?»

Полина взяла копии. Она чувствовала, как силы возвращаются.

— Дальше будем действовать иначе, — тихо сказала Полина. — Тихо, без лишнего шума. Я не стану больше наведываться в клинику и вызывать Аркадия на допрос. Мы найдём другую зацепку — такую, которую они не смогут просто так убрать или замять.

Матвей кивнул. Потом вывел в блокноте: «Окурки. Я всё думал про них. Если убийца курил, мог оставить окурок. Я могу поискать».

— В парке? — уточнила Полина.

Он снова кивнул.

— Хорошо, — решила она. — Поедем вечером, когда стемнеет. Так нас никто не заметит.

Матвей опять кивнул, а потом написал: «А как же ваша работа?»

Полина тяжело вздохнула.

— Пока меня не уволили. Начальник дал немного времени — может, день, а может, два. Надо использовать его с толком.

Она поднялась со стула.

— Я пойду. Нужно всё хорошенько обдумать. Встретимся здесь вечером в семь.

Матвей кивнул. Полина вышла. Она шла по коридору морга, и в голове было непривычно пусто — никаких чётких планов, только упрямое нежелание сдаваться. Она не остановится. Не сейчас. Не после того, как увидела тот след на шее. Не после того, как Матвей молча взял её за руку, будто говоря: «Я рядом».

Вечером они встретились у входа в парк. Сумерки опускались быстро, фонари горели тускло, дорожки почти опустели. Матвей пришёл в старом пальто и шапке, в кармане у него лежал фонарик. Полина надела тёмную куртку, выбрала обувь без каблуков — чтобы не шуметь и не спотыкаться.

— Смотрите внимательно под ноги, — прошептала она. — Окурки могли где-то остаться.

Они двинулись к будке сторожа. Матвей водил лучом фонарика по асфальту, Полина всматривалась в каждую тень. У стены будки, там, где в прошлый раз она замечала окурки, теперь было чисто. Кто-то явно убрал.

— Их нет, — с досадой произнесла Полина.

Матвей наклонился, провёл рукой по асфальту, потом посветил в узкую щель между будкой и забором. В грязи что-то белело. Он осторожно достал находку.

Окурок. Один. Примятый, но сохранившийся.

— Есть, — беззвучно проговорил Матвей. Полина подошла ближе.

— Всего один, — сказала она, но в голосе прозвучала надежда. — Но это уже не пустота. Это хоть что-то.

Матвей посмотрел на окурок, потом на Полину, и вывел в блокноте: «Он с фильтром. Дорогие. Такие обычно курят врачи».

Полина замерла.

— Ты уверен?

Матвей твёрдо кивнул и дописал: «Аркадий курил такие. Я помню запах. Ещё в морге, когда он привозил тела».

Полина осторожно взяла окурок. Он был влажный от сырости, но фильтр сохранился хорошо. Она достала небольшой пакет и аккуратно убрала находку внутрь.

— Отдадим на экспертизу, — сказала она. — Если получится выделить ДНК — это будет настоящее доказательство.

Матвей кивнул, а затем написал: «Надо спешить. Они могут узнать, что мы ищем».

— Знаю, — кивнула Полина. Она посмотрела на Матвея, и на мгновение всё напряжение дня будто отступило. — Матвей… Спасибо.

Он взглянул на неё, и в его глазах читалось что-то глубокое, невысказанное. Потом он взял её руку и крепко, но бережно сжал. Полина не отняла ладонь.

Они стояли в полутьме у старой будки, в тишине, нарушаемой только далёкими городскими звуками. И впервые за долгое время Полина по-настоящему почувствовала: она не одна.

Глава 9. Окурок

Экспертизу Полина сдала утром, но результат обещали только через три дня. Три дня — это много, когда у тебя нет ничего, кроме окурка и рисунка в блокноте. Три дня — это мало, когда Вельяминовы уже начали звонить.

Она вернулась в отдел и первым делом столкнулась со Светланой. Та стояла у кулера с пустым стаканом в руке и смотрела на Полину так, будто видела впервые.

— Ты ещё здесь? — спросила Светлана.

— А где мне быть?

— Ну, я думала, тебя уже… — Она не договорила.

— Уволили? Нет. Пока нет.

Светлана налила воды и понизила голос:

— Крылова, я слышала, что вчера звонили из администрации, — тихо начала Светлана, присев на край стола. — Начальнику. Сверху сказали, что если он не уймёт свою новенькую, у отдела будут проблемы. Очень большие.

Полина неопределённо повела плечами.

— Пусть звонят.

— Ты не понимаешь. Это не просто звонок, это уже предупреждение. Если ты не остановишься, тебя не просто уволят. Тебя сделают так, что ты больше нигде не сможешь работать. Ни в области, ни в городе, нигде вообще.

— Свет, я знаю.

— И тебя это не пугает?

Полина посмотрела ей прямо в глаза.

— Пугает. Но остановиться я не могу. Ты бы смогла?

Светлана отвела взгляд.

— Я бы, наверное, смогла. У меня дети. — Она вышла, даже не попрощавшись.

Полина вернулась в свой кабинет. На столе лежала тонкая папка с надписью «Материалы к делу Соколовой И.А.». Она открыла её. Внутри оказались копии её же документов, но с пометками начальника: «Недостаточно», «Требует проверки», «Нет подтверждения». А на последней странице красовалась резолюция: «Дело приостановить до получения дополнительных доказательств».

Полина захлопнула папку. Она отлично понимала, что это означает: ей дали три дня. Возможно, меньше. Если экспертиза не даст ничего, дело закроют. А если даст, то, может быть, уже поздно — Вельяминовы успеют замести все следы.

Она покинула отдел и поехала в морг.

Матвей ждал её в подсобке. На столе лежал старый журнал дежурств, который он разбирал накануне, рядом — блокнот с пометками. Когда Полина вошла, он поднял голову и кивнул.

— Экспертиза будет готова через три дня, — сказала Полина, садясь. — Но есть проблема. Начальник дал мне ровно три дня. Если за это время не появится ничего существенного, дело закроют. А Вельяминовы, похоже, уже начали действовать.

Матвей помолчал, потом открыл блокнот и вывел: «Что нам нужно?»

— Доказательства настоящие. Не рисунки, не окурки, а то, что примет суд. — Полина устало потерла глаза. — Я не спала всю ночь, думая об этом. У нас три смерти в клинике, подписи Аркадия и окурок, который, возможно, принадлежит ему. Но этого мало. Нужен свидетель — тот, кто видел или подтвердит, что протоколы поддельные.

Матвей смотрел на неё, потом написал: «Григорий Семёнович».

Полина нахмурилась.

— Патологоанатом?

Матвей кивнул и дописал: «Он подписывал заключения. Он знает, но боится. Но если правильно надавить — может заговорить».

— Он не скажет. Он уже отказался пересматривать дело.

Матвей покачал головой и вывел: «Он боится Вельяминовых. Но он не злой. Он просто слабый. Если найти подход — поможет».

Полина задумалась. Григорий Семёнович был человеком несимпатичным, но не злодеем. Он просто делал свою работу и не задавал лишних вопросов. А может, наоборот — задавал слишком много. И если у него припрятано что-то на Вельяминовых, на случай попытки подставить его, он может заговорить.

— Какой подход? — спросила она.

Матвей написал: «Я поговорю с ним. Он меня знает. Немного доверяет».

— Ты? Он же тебя даже не слушает.

Матвей едва заметно улыбнулся и вывел: «Слушает. Просто делает вид, что нет. Я принесу ему старые бумаги — те, что он подписывал. Он поймёт, что мы знаем больше, чем он думает. И тогда заговорит».

Полина внимательно посмотрела на него.

— Ты уверен, что это сработает?

Матвей кивнул.

— Хорошо. Попробуй. Только осторожно. Если он испугается и позвонит Аркадию — мы потеряем всё.

Матвей снова кивнул и написал: «Сделаю сегодня. Вечером, когда все уйдут».

Полина поднялась.

— А я поеду в редакцию «Голоса». Поговорю с коллегами Соколовой. Вдруг они знают что-то, чего нет в статьях.

Матвей кивнул, но взгляд его задержался на Полине — он явно хотел что-то добавить. Она заметила.

— Что?

Матвей помолчал. Потом вывел: «Будьте осторожны. Они уже знают, что вы копаете. За вами могут следить».

— Я знаю. — Полина надела пальто. — Ты тоже будь осторожен.

Она вышла. Матвей остался сидеть за столом. Он посмотрел на журнал дежурств, потом на блокнот. Потом достал старую схему вскрытия — ту, что хранил под книгами. Развернул её и положил рядом с фотографией шеи. Он смотрел на линии, на петлю, на след. И вдруг что-то щёлкнуло в его голове. Не воспоминание. Пока нет. Но что-то близкое. Как будто он стоял у двери, за которой было то, что он искал. И дверь была приоткрыта.

Он взял карандаш и вывел на полях блокнота: «Проволока, даже не верёвка и не шнур. Металл был тонкий, гибкий. Где её взяли?»

Положив карандаш, он встал и направился к кабинету Григория Семёновича. Тот ещё не ушёл — что-то дописывал в бумагах. Матвей постучал костяшками по косяку. Григорий Семёнович поднял голову.

— Чего тебе? — спросил он устало.

Матвей вошёл и положил перед ним на стол старую папку. Григорий Семёнович перевёл взгляд на неё, потом на Матвея, потом снова на папку.

— Что это?

Матвей открыл её. Внутри лежали копии протоколов — тех самых, с подписями Аркадия. Григорий Семёнович разглядывал их долго. Потом откинулся на спинку стула.

— Где ты это взял?

Матвей не ответил. Он просто смотрел, не отводя глаз.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — Григорий Семёнович понизил голос до шёпота. — Если кто-то узнает, что копии у тебя…

Матвей кивнул. Затем достал блокнот и написал: «Вы знали и подписывали. Просто боялись».

Григорий Семёнович прочитал. Лицо его изменилось — не испуг, а скорее усталость, накопившаяся за годы.

— Да, — тихо сказал он. — Знал. Не всё. Но достаточно. — Он помолчал. — Аркадий привозил тела. Говорил: «Сердечная недостаточность». Я подписывал. Не спрашивал, мне платили немного — но хватало, чтобы не задавать вопросов.

Матвей вывел: «Почему сейчас?»

Григорий Семёнович посмотрел на него.

— Потому что я устал. Потому что отработал здесь тридцать лет, а теперь не могу смотреть жене в глаза. Потому что вы с этой девочкой — первые, кто вообще что-то заметил. — Он тяжело вздохнул. — Переписывать заключение по Соколовой я не стану — это будет выглядеть как признание. Но показания дать могу. Если это поможет.

Матвей кивнул и написал: «Поможет. Только осторожно, они могут узнать».

— Знаю. — Григорий Семёнович поднялся. — Завтра приду в отдел. К вашей следователше. И расскажу всё, что знаю.

Матвей посмотрел на него и вывел: «Спасибо».

Григорий Семёнович усмехнулся.

— Не надо благодарностей, — усмехнулся Григорий Семёнович. — Я делаю это не ради тебя и не ради неё. Ради себя. Может, хоть так сумею немного загладить свою вину.

Матвей вышел из кабинета и в коридоре на миг прислонился к стене. Он чувствовал усталость — но и нечто ещё. Надежду. Возможно, впервые за долгие годы.

Вечером Полина вернулась в морг. Выглядела она измотанной, но в глазах стояло удовлетворение.

— Я поговорила с коллегами Соколовой, — сказала она, усаживаясь. — Они рассказали, что Ирина нашла свидетеля. Бывшего сотрудника клиники. Человек участвовал в испытаниях, а потом уволился. Она собиралась встретиться с ним в тот вечер. В парке.

Матвей поднял голову.

— Но встреча не состоялась, — продолжила Полина. — Или состоялась, но не вдвоём. А сам свидетель с тех пор исчез. Никто не знает, где он.

Матвей вывел: «Имя?»

— Они не знают. Ирина никому его не назвала. Но сказали, что он работал в клинике около года назад. Медбрат или санитар.

Матвей на мгновение задумался. Потом написал: «Я просмотрю старые списки. В морге есть журналы. Если он привозил тела — я его найду».

Полина кивнула.

— Хорошо. И ещё: Григорий Семёнович согласился дать показания завтра.

Матвей утвердительно кивнул.

— Это уже что-то, — сказала Полина. — Это уже не просто окурок и рисунок на бумаге.

Она посмотрела на Матвея. Тот смотрел на неё, и в его глазах читалось что-то, чему она не могла подобрать названия. Потом он вывел: «Вы не одна. Я помогу».

Полина вдруг улыбнулась — искренне, без напряжения, так, как не улыбалась уже очень давно.

Глава 10. Показания

Григорий Семёнович пришёл в отдел к десяти утра. Полина ждала его у входа, потому что не доверяла коридорам: здесь всегда кто-то ходил, всегда кто-то слышал. Она провела его в кабинет двадцать шесть, закрыла дверь и предложила сесть. Патологоанатом выглядел неважно: лицо серое, под глазами мешки, руки дрожали. Он не спал.

— Я всю ночь думал, — сказал он, садясь. — Может, не надо? Может, ещё можно всё вернуть?

— Уже нельзя, — сказала Полина. — Вы согласились. Я вас не заставляю, но если вы уйдёте сейчас, то завтра они придут за вами. Вы знаете слишком много.

Григорий Семёнович вздохнул. Потом достал из кармана платок и вытер лоб.

— Ладно. Спрашивайте.

Полина включила диктофон. Она предупредила его заранее, что будет запись. Он кивнул.

— Расскажите, как вы познакомились с Аркадием Вельяминовым.

— Он пришёл в морг года три назад. Привёз тело. Сказал, что работает в клинике «Фарм-Стандарт». — Я просто попросил быстро подписать заключение. Я и подписал. Тогда всё казалось нормальным. А потом он стал привозить тела чаще — раз в месяц, а то и дважды. И все — с диагнозом «сердечная недостаточность». И все — участники испытаний. Я как-то спросил, почему так много. Он ответил: «Так бывает». Я не стал настаивать.

— Вам платили?

— Платили. Но не мне лично — клинике. Деньги поступали на счёт отделения. Откуда они, я не знал. Мне не говорили, а я и не спрашивал.

— Когда вы начали подозревать, что дело нечисто?

Григорий Семёнович ненадолго замолчал, собираясь с мыслями.

— Когда привезли Смирнову. Ей было всего тридцать восемь. Я проводил вскрытие и заметил странный след на шее — будто от тонкой верёвки. Сначала подумал: может, самоубийство? Но нет, характер повреждения был другим. Я спросил Аркадия. Он отмахнулся: «Это от катетера. Не придумывай». А я ничего не придумывал. Тридцать лет в профессии — я отлично знаю, как выглядит след от катетера. Но всё равно подписал. Потому что боялся.

— Чего?

— Вельяминовых. У них связи, они могут всё. Откажись я — меня бы просто уволили. А может, и хуже.

Полина аккуратно фиксировала каждое слово.

— А насчёт Матвея — вы знали, что раньше он был патологоанатомом?

Григорий Семёнович медленно кивнул.

— Знал. Когда он появился здесь пять лет назад, он уже не мог говорить. Но руки помнили. Он смотрел на тела так, как смотрят врачи, а не простые рабочие. Я давал ему старые заключения — он читал, иногда делал пометки. Я не мешал. Мне его было жаль.

— Он показывал вам рисунок со следом на шее Соколовой?

— Показывал. А я отмахнулся. — Григорий Семёнович опустил взгляд. — Не хотел влезать. У меня семья, жена болеет. Потерять работу я не мог.

— Понимаю, — тихо сказала Полина и выключила диктофон. — Спасибо, что рассказали. Можете идти. Но если кто-то спросит — вы ничего не говорили. Ясно?

— Ясно, — он поднялся со стула. — А что теперь будет?

— Теперь ждём результатов экспертизы. Если окурок подтвердится как принадлежащий Аркадию, сможем его задержать. А ваши показания понадобятся в суде.

Григорий Семёнович кивнул, вышел из кабинета, и Полина услышала, как затихают его шаги в коридоре. Она осталась сидеть, чувствуя странную пустоту внутри. Да, она сделала то, что должна была. Но легче от этого не стало.

Тем временем Матвей сидел в подсобке морга, перед ним были разложены старые журналы дежурств. Он упорно искал хоть какую-то зацепку — имя медбрата или санитара, который работал в клинике год назад и потом исчез. Он листал страницы неторопливо, вчитываясь в каждую строчку. В журналах фиксировали, кто привозил тела, кто дежурил, кто ставил подписи. Среди записей он нашёл несколько имён, но одно встречалось заметно чаще: «Ковалёв С.А., медбрат». Он доставлял тела трижды за полгода, а потом упоминания о нём прекратились. Матвей перевернул страницу. На полях чьей-то рукой было приписано: «Уволен по собственному желанию». Дата — три месяца назад.

Матвей записал в блокноте: «Ковалёв С.А. Медбрат. Уволен три месяца назад. Может быть, тот самый свидетель». Он отложил журнал и задумался. Где теперь искать Ковалёва? В клинике точно ничего не скажут. В отделе кадров — тоже. Но, возможно, в морге сохранились старые пропуска или списки сотрудников?

Он поднялся и направился в архив — маленькое помещение в подвале, доверху забитое коробками и папками. Матвей хорошо знал здесь каждый уголок. Он быстро нашёл коробку с надписью «Личные дела. 2022–2023». Внутри лежали тонкие папки. Он отыскал дело Ковалёва. Там была фотография, копия паспорта и заявление об увольнении. Матвей вгляделся в снимок: мужчина лет тридцати, худощавый, с усталыми, будто измученными глазами. Матвей не помнил его в лицо, но что-то в этом взгляде казалось странно знакомым — может, тень той же усталости, что он видел каждый день в зеркале.

Он перевернул заявление. На обороте обнаружилась приписка от руки: «Прошу выдать трудовую книжку на руки. Прошу не сообщать о моём уходе в клинику „ФармСтандарт“. Причина: личные обстоятельства». Матвей нахмурился. Ковалёв явно не хотел, чтобы в клинике знали о его увольнении. Почему? Возможно, он чего-то боялся. Возможно, пытался спрятаться.

Матвей достал старый кнопочный телефон — его когда-то отдал ему Григорий Семёнович на случай срочного вызова — и набрал номер Полины. Она ответила не сразу.

— Матвей? Что случилось?

Матвей не мог произнести ни слова, потому набирал сообщение с особой тщательностью, выводя букву за буквой: «Нашёл Ковалёва. Медбрат уволился. Он боится его надо найти».

Полина, едва прочитав, тут же перезвонила.

— Где его искать? — спросила она, не тратя время на приветствия.

Матвей отправил ещё одно сообщение: «Не знаю. Но в личном деле есть старый адрес. Возможно, он до сих пор там».

— Диктуй, — коротко скомандовала Полина.

Он чётко написал улицу и номер дома, не пропуская ни одной цифры. Полина быстро записала адрес.

— Я поеду туда прямо сегодня. Она написала, а ты оставайся в морге. Если найдёшь ещё хоть что-то — сразу пиши.

Матвей отложил телефон. Его взгляд медленно скользнул по фотографии Ковалёва, потом по стопке потрёпанных журналов, а затем остановился на раскрытом блокноте с его неровными записями. Ему казалось, что они наконец-то нащупали верный след — разгадка была где-то совсем рядом, будто пряталась за невидимой завесой, которую вот-вот можно было отдёрнуть. Что-то назревало, что-то должно было произойти — и это что-то способно было разрушить все прежние предположения и перевернуть ход расследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.